

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО – ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

**О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ ПЕРИОДА
ПРИНЯТИЯ «РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
РСФСР» 1919 ГОДА, ИХ КЛАССОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ ОСНОВНЫХ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ**

**ON THE CHARACTERISTICS OF CRIME IN RUSSIA DURING THE
ADOPTION OF «THE GUIDELINES ON CRIMINAL LAW OF THE RSFSR»
OF 1919, THEIR CLASS ORIENTATION AND THE LEGISLATIVE
CONTENT OF THE MAIN CRIMINAL LAW INSTITUTES**



Наумов А.В.
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)*

Naumov A. V.
*doctor of law, professor, honored worker
of science of the Russian Federation,
professor of the Department of criminal law
and criminology
All-Russian state University justice (RPA
of the Ministry of justice of Russia),
(Moscow)*

Ключевые слова: уголовный закон, понятие преступления, понятие наказания и его видов.

Аннотация: Статья посвящена анализу различных аспектов Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. – прообразу будущей Общей части Уголовного кодекса РСФСР. Особое место в статье уделяется характеристике преступлений (преступности), совершаемых в России в тот период.

Keywords: criminal law, the concept of crime, the concept of punishment and its types.

The summary: The article is devoted to the analysis of various aspects of the "Guidelines on criminal law of the RSFSR of 1919-the prototype of the future General part of the criminal code of the RSFSR". Special attention is paid to the characteristics of crimes (crimes) committed in Russia at that time.

Как известно, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. были приняты в труднейших условиях происходящей в стране Гражданской войны. Учитывая специфику преступлений тех лет, их природу, все преступления (и преступность в целом) того времени можно (с известной долей упрощения) подразделить на пять видов¹.

1) *Общеуголовные преступления (преступность) как следствие отсутствия в стране твердой власти, способной поддерживать необходимый правопорядок (преимущественно грабежи, разбои, убийство).*

Низменные инстинкты «толпы» разбудила еще Февральская революция и политика Временного правительства, его амнистия уголовникам, роспуск полиции и жандармерии. Это вызвало всплеск уголовной преступности, в основном корыстно-насильственной. Так что большевикам, взявшим в октябре 1917 г. власть в стране, досталось в этом отношении, скажем, не самое лучшее «наследство». По подсчетам (криминологов) в одном только Петрограде насчитывалось до 40 тысяч уголовных преступников, а в Одессе и в Москве – до 30 тысяч «бандитских элементов», резко активизировавших свою деятельность в послеоктябрьский период². К ним присоединялись многообразные деклассированные элементы, принимавшие участие в различного рода погромах. Вот как, например, это описывает А. Блок в своей поэме «Двенадцать»:

Эх, эх!

Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче голытьба!

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского –
Гуляй, ребята, без вина!

¹ Подробнее см.: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. Часть I. М.: «Юрлитинформ», 2015. С. 427-478.

² См. Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 69.

Следует отметить, что уголовный мир пополнялся представителями отдельных партий (в первую очередь, анархистами) и оказавшимися «не у дел» бывшими офицерами (в особенности в связи с демобилизацией старой армии с началом мирных переговоров с Германией), отчего, казалось бы, и общеуголовная преступность превращалась тоже в политическую, направленную против новой власти. Большевики это быстро поняли и перешли к более решительным действиям, уравнивая такую преступность с контрреволюционной. Уже в начале февраля 1918 г. ВЧК поместила в газетах объявление об изменении методов борьбы с контрреволюцией (во всех ее проявлениях, в том числе и в форме совершения общеуголовных преступлений как посягательств на власть и правопорядок). Отныне все они подлежали «беспощадному уничтожению на месте преступления»³. Власть предприняла меры по укреплению зарождавшейся советской милиции, что оказало в целом положительно влияние, и общеуголовная преступность была «загнана» в более или менее приемлемые рамки.

2) *Преступления (преступность) как проявление «красного» и «белого» террора – основного вида политической преступности Гражданской войны.*

Было бы странно, если бы свергнутые большевиками и потерявшие власть классы не пытались ее вернуть. Не менее странной выглядела бы и терпимость к этому новой власти. Такова элементарная логика классовой борьбы. Поэтому вооруженные выступления против советской власти являлись самыми опасными для нее контрреволюционными преступлениями, а для свергнутых – единственно возможным средством возвращения прежнего законного правления. В правовом смысле и те и другие были «правы», разным у них было лишь правовое «поле»: у первых – право победившей революции, у вторых – право упраздненных революцией законов. Большевики сделали свой террор гласным. Более того, они даже ставили своей целью распространить как можно шире информацию о терроре и его

³ См.: Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля.

масштабах и тем самым запугать фактически любых противников советской власти. Так, в первые же дни после официального объявления о «красном» терроре Ф. Э. Дзержинский отдал распоряжение об издании «Еженедельника ВЧК». В течение шести недель своего существования «Еженедельник» подробно сообщал о взятии заложников, заключении в концентрационных лагерях, расстрелах (подобные издания выходили и на местах, например, в Казани, Перми, Киеве). В дальнейшем «гласный» красный террор стал уравниваться и негласным, в особенности с крайними случаями его проявления. К последним можно отнести секретную директиву о расказачивании (фактически, по современным понятиям, о геноциде по отношению к казачеству), расстрел царской семьи, а позже – подавление Кронштадтского восстания и Тамбовского крестьянского восстания, уничтожение офицерской прослойки (например, в Крыму).

Масштаб «красного» террора вполне соответствовал масштабу «белого» террора. Но если известная метафора, употребляемая в отношении «красного» террора, в значительной мере достаточно адекватна, разумеется, не в чисто цветовом (красное знамя большевиков) значении, а вследствие присущей ему одноцветности в смысле государственно-партийных истоков и начал, то терминология «белого» достаточно условна. Она охватывала не только террор национальных вооруженных формирований, но и воевавших на территории России против большевиков белофинов, белочехов, белополяков, немцев. «Белый» террор, как и «красный», сопровождался не только массовыми расстрелами, но и пытками, изощренной жестокостью в отношении жертв. И если у красных террор осуществлялся путем специально созданного для этого органа – ВЧК, то своеобразный аналог его был и у белых – это их контрразведка. Методы и нравы красных и белых контрразведчиков были вполне сопоставимы (о чем, например, в своих мемуарах сообщал А.И. Деникин¹).

3) *Преступления, явившиеся злоупотреблением большевиками своей властью, выразившимся в первую очередь в искусственном создании ложных контрреволюционных заговоров и организаций (деятельность, осуществ-*

ляемая в основном ВЧК). Фальсификация обвинения в контрреволюционном заговоре, как свидетельствует история судебных процессов 20-30-х гг. (например, «Шахтинский процесс» и «Дело Промпартии» (1930 г.), являлась обычным методом деятельности чекистских органов (ВЧК, НКВД), но началась последняя именно в годы Гражданской войны (дело адмирала Щастного, дело профессора географии В. Н. Таганцева, по которому были расстреляны 61 человек (среди них несколько женщин), в том числе известный русский поэт Н. С. Гумилев).

4) *Преступления красных и белых как следствие революционной «вседозволенности», анархии и развязывания низменных инстинктов тех и других (общеуголовная преступность)*².

5) *Преступления, являющиеся свидетельством перерождения правящей партии большевиков (казнокрадство и взяточничество)*³.

В таких условиях были приняты в 1919 г. Руководящие начала. Последние представляли из себя попытку кодификации уже принятых Советским правительством нормативных актов уголовно-правового характера, регулирующих Общую часть уголовного права. «Начала» состояли из введения и восьми разделов: 1) об уголовном праве; 2) об уголовном правосудии; 3) о преступлении и наказании; 4) о стадиях осуществления преступлений; 5) о соучастии; 6) виды наказания; 7) об условном осуждении; 8) о пространстве действия уголовного права.

В основе этого нормативного акта лежал откровенно классовый характер, особенно вы-

² Свидетельства этого в художественной и мемуарной литературе есть в отношении как красных (например, И. Э. Бабель «Конармия»), так и белых (например, указанные мемуары А. Деникина).

³ О борьбе с этим злом см., например, многочисленные труды В.И. Ленина, в том числе: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 282; Т. 50. С. 70, 219; Т. 52. С. 52-53. Так, например, по личной инициативе Ленина был принят циркуляр «О взаимоотношениях парткомов с судебными комиссиями», в котором подчеркивалась безусловная необходимость «усилить ответственность членов партии в случае совершения ими проступков, подлежащих ведению гражданского суда или ревтрибунала» (См.: В.И. Ленин, КПСС о социалистической законности и правопорядке / под общ. ред. Н. И. Савинкина. М., 1982. С. 235).

¹ Генерал А. Деникин. Поход на Москву (очерки русской смуты) // Белое движение: начало-конец. М., 1990. С. 125.

развившийся в определении понятий преступления и задач уголовного права. Так, в ст. 2 определялось: «Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания)», а в ст. 3 определялось, что «советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». Но особенно тщательно классовая направленность Руководящих начал была «прописана» во введении к ним, которое больше напоминало не текст уголовного закона, а подобие либо агитационного обращения Правительства, разъясняющего суть его уголовной политики, либо научной статьи об этом же в правительственном издании или даже учебнике (будущем) по уголовному праву. При этом необходимо учитывать, что в реальной практике требования законодательных актов по реализации указанных классовых начал реализовывались со значительным «запасом» революционной жестокости. Так, один из руководителей ВЧК М. Лацис следующим образом излагал теорию красного террора: «Мы уничтожаем класс буржуазии. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или иное лицо словом или делом против Советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее: «К какому классу он принадлежит и какова его специальность». Эти вопросы должны решать судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция красного террора»¹.

Следует отметить, что в содержательном плане в Руководящих началах были даны «абрисы» основополагающих понятий уголовного права. В частности, преступления, включая и ответственность за предварительную и совместную преступную деятельность. Кое-что при этом было заимствовано из царского уголовного законодательства (из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовного уложения 1903 г.). К таковым следует отнести: понятие действия и бездействия как *форм* преступного поведения (преступления); деление преступления на оконченное и

неоконченное (покушение на преступление и приготовление к преступлению); указание на виды соучастников преступления (исполнители, подстрекатели, пособники). Вместе с тем необходимо признать, что при этом в некоторые уголовно-правовые понятия были внесены определенно *новые*, развивающие их содержание, уточнения. Это, например, касалось определения покушения на преступление: «Покушением на преступление считается действие, направленное на совершение преступления, когда совершивший выполнил все, что считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение, но преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим» (определение настолько современное, что вполне соответствует нынешнему законодательному определению покушения на преступление в действующем УК РФ; это же касается и определения приготовления к преступлению). Вполне современно-прогрессивным для того времени выглядит и определение нормативного признака *субъекта* преступления. В особенности, установление его нижней возрастной границы в 14 лет; наличие у лица душевной болезни как в момент совершения им деяния, так и к моменту исполнения приговора и применение к нему вместо наказания «лечебных мер» (предвосхитившее появившееся впоследствии понятие невменяемости). В то же время к явным пробелам рассматриваемого законодательного акта следует отнести, например, фактически отсутствие в нем хотя бы попытки определения *вины* в форме умысла и неосторожности как признака преступления (что было намечено лишь в УК РСФСР 1922 г.). К таковым же пробелам следует отнести и отсутствие в них упоминания об обратной силе уголовного закона.

Заслуживает внимания и отражение в Руководящих началах проблемы наказания. Впечатляет, например, установление в нем весьма *разнообразных* видов наказания (ст. 25), в особенности не связанных с лишением свободы. Здесь, например, и «внушение», и «выражение общественного порицания», и «принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения), и «объявление под бойкотом», и «исключение из объединения на время или навсегда», и «восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного ущерба», и «отрешение от должности», и «воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу», и некоторые другие виды наказания. Сюда же следует отнести и норму об условном осужде-

¹ Красный террор. 1918. 1 ноября.

нии (раздел VII, ст. 26). В этом, несомненно, проглядывают ленинские идеи уголовной политики, в частности, выраженные им в его замечаниях на Проект программы РКП(б) в 1919 г.:

- «1) >% условного осуждения
- 2) >> >> общественного порицания
- 3) замена лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому
- 4) замена тюрьмы воспитательными учреждениями
- 5) введение товарищеских судов (для известных категорий и в армии и среди рабочих)»¹.

Если упростить ленинскую задачу, то она может выглядеть следующим образом: «меньше тюрьмы (лишения свободы) для трудящихся; больше наказаний, не связанных с лишением свободы»). Замысел неплох. Другое дело, как он реализовывался. Увы, в жизни все было наоборот. И в УК 1922 г. и в УК 1926 г. сразу же после их принятия стали вноситься многочисленные изменения, большая часть которых заключалась в ужесточении наказания за определенные преступления. Можно сказать, что уже тогда была отработана советская модель уголовной политики в области правотворчества. Начать с ее либерализации, а затем практически отказаться от нее и перейти к ужесточению в уголовно-правовой сфере (например, отказаться от смертной казни, а затем быстро ее восстановить)². Если указанный нормативный акт оценивать с современных позиций, то следует отметить его двойственность. Во-первых, необходимо указать на его высокую (даже по нынешним меркам) законодательную технику. В этом отношении был сделан значительный шаг по сравнению не только с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, действовавшим в России до Октябрьской революции,

но и с Уголовным Уложением 1903 г. (у истоков которого стоял великий Таганцев и другие выдающиеся русские юристы). Во-вторых, как уже отмечалось, нельзя не отметить попытки значительного расширения наказаний, не связанных с лишением свободы, в том числе и реализации условного осуждения. В-третьих, определением достаточно прогрессивной (хотя бы на словах) уголовной политики в отношении несовершеннолетних преступников, а также попыток законодательной расшифровки принципа индивидуализации наказания. Однако все это перечеркивалось откровенно классовым характером уголовной репрессии и несостыковкой Руководящих начал с множеством уже действующих нормативных актов о «правосудии», чинимом ВЧК и революционными трибуналами. Тем не менее нельзя отрицать положительного влияния этого нормативного акта на создание будущих советских уголовных кодексов, особенно в плане техники уголовного закона в направлении отказа от казуистического способа изложения уголовно-правовых норм (следы этого влияния можно усмотреть и в действующем УК РФ).

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.38. С.408.

² См. Наумов А.В. Указ. соч. С. 586.

Список цитируемой литературы:

1. Бабель И. Э. Конармия // Бабель И. Сочинения. Т. 1. М., 1990. С. 369-431.
2. Генерал А. Деникин. Поход на Москву (очерки русской смуты) // Белое движение: начало-конец. М., 1990. С.125.
3. Красный террор. 1918. 1 ноября.
4. Ленин В. И., КПСС о социалистической законности и правопорядке / под общ. ред. Н. И. Савинкина. М., 1982. С. 235.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 282; Т. 38. С. 408; Т. 50. С. 70, 219; Т. 52. С. 52-53.
6. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. Часть I. М.: «Юрлитинформ», 2015. С. 427-478.
7. Пролетарская революция. 1926. № 9. С.69.
8. Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля.

The list of the quoted literature:

1. Babel I. E. Red Cavalry // Babel I. Collection. Vol. Moscow, 1990. Pp. 369-431.
2. General A. Denikin. The March on Moscow. (essays of the Russian turmoil) // White movement: beginning-end. Moscow, 1990. Pp. 125.
3. Red terror. 1918. November 1.
4. VI Lenin, of the Communist party of socialist legality and law and order. M., 1982. Pp. 235.
5. Lenin V. I. Poln. Coll. Op. Vol. 36. Pp. 282; Vol. 38. Pp. 408; T. 50. Pp. 70, 219; Vol. Pp. 52-53.
6. Naumov A.V. Crime and punishment in the history of Russia. Part I. M., «Yurlitinform», 2015. Pp. 427-478.
7. Proletarian revolution. 1926. No. 9. Pp. 69.
8. Izvestia of the Central Executive Committee. 1918. February 23.

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА – ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ОТРАСЛЕВЫХ КОДИФИКАЦИЙ
СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА**

**THE GUIDING PRINCIPLES OF THE CRIMINAL LAW OF RSFSR
1919 – ONE OF THE FIRST BRANCH CODIFICATIONS OF SOVIET
SOCIALIST LAW**



Коняхин В.П.

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»
(г. Краснодар)*

Konyakhin V.P.

*doctor of law, Professor,
head of the Department of criminal law and criminology,
IN FGBOU "Kuban state University"
(Krasnodar)*

Ключевые слова: руководящие начала, уголовное право, отраслевая кодификация, общая часть, структура, система.

Аннотация: Статья посвящена анализу Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. В ней дается структурно-содержательная характеристика последних, прослеживается их взаимо-